

МОСКОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪЗЪ ДОСТАВК.	СЪ ДОСТАВК.	СЪ ПЕРЕСЫЛК.
ЗА ГОДЪ 3 р. 50 к.	4 р. 50 к.	4 р. 50 к.
" ПОЛГОДА 2 р. " "	2 р. 50 к.	2 р. 50 к.
" ТРИ МѢС. 1 р. " "	1 р. 25 к.	1 р. 30 к.
" 1 МѢС. " " 40 к.	" " 50 к.	" " 50 к.

ВЫХОДЯТЬ

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ЗА НАПЕЧАТАНІЕ ОБЪЯВЛЕНІЙ

ЗА КАЖДУЮ СТРОКУ ИЛИ МѢСТО СТРОКИ ВЗИМАЕТСЯ:

ЗА ОДИНЪ РАЗЪ — 10 к.

" ДВА РАЗА — 18 к.

" ТРИ РАЗА — 24 к.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛѢТ. „М. Е. В.“ ПРОДАЮТСЯ ПО 10 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ въ Епархіальной бібліотекѣ, въ Высоко-Петровскомъ монастырѣ, въ редакціи—въ приходѣ Рязположенской церкви, на Донской улицѣ, въ квартирѣ священника, В. П. Рождественскаго, у книгопродавцевъ Оерапонтова, Соловьева и въ конторѣ типографіи и литографіи А. В. Кудрявцевой, у большого Каменнаго моста въ д. Сорокина.

СОДЕРЖАНІЕ.

- Воскресныя бесѣды. Недѣля Пятдесятницы. Бесѣда двадцатая.
- Корреспонденція Моск. Епарх. Вѣдомостей. О церковно-приходскихъ бібліотекахъ.
- Присоединеніе къ православной церкви раскольниковъ безпоповщинской секты. Попечитель прихода Московской Борпо-гавѣской, у Арбатскихъ воротъ, церкви, Генералъ-Маіоръ А. А. Аверхіевъ.

Воскресныя бесѣды.

Недѣля Пятдесятницы,

БЕСѢДА ДВАДЦАТАЯ.

И Адаму рече (Богъ): яко послушалъ еси гласа земли твоея, и ялъ еси отъ древа, егѣже заповѣдахъ тебе сего единому не ясти, отъ него ялъ еси: проклята земля въ дѣлахъ твоихъ, въ печальхъ съиши тую вся дни живота твоего; въ потъ лица твоего съиши хлѣбъ твой дождеже возвратиши въ землю, отъ нея же възятъ еси. Быт. 3. 17—19.

Въ числѣ наказаній за грѣхъ Богъ назначилъ падшему человѣку трудъ, какъ неизбежнаго спутника жизни, какъ необходимое, хотя не всегда благоуспѣшное средство для удовлетворенія потребностямъ жизни. При самомъ созданіи заповѣдано было человѣку дѣланіе: *И възъ Господь Богъ человека, егѣже созда, и введе его Богъ въ рай сладости, дѣлати его и хранити* (Быт. 2. 15). Не благоугодно было Богу, чтобы человѣкъ, высшее и совершеннѣйшее земное созданіе, оставался празднымъ зрителемъ чудесъ творенія Его, но восхотѣлъ въ дѣлахъ Своей премудрости и благодати дать мѣсто участію царя земнаго. Тогда человѣкъ былъ чистъ душою и тѣломъ, близокъ къ Богу, жилъ въ Немъ и дѣйствовалъ по Его волѣ для сохраненія Его благоволенія: оттого заповѣданное ему дѣланіе было легко, пріятно и благоуспѣшно. Упражня, и упражненіемъ укрѣпляя его силы, оно долженствовало услаждать его жизнь, возводить природу къ высшему совершенству и, глубже знакомя человѣка съ твореніями Божиими, открывать ему непрестанно новыя чудеса премудрости, всемогущества и благодати Творца всѣхъ. Грѣхъ, лишивши человѣка чистоты душевной и тѣлесной, лишилъ вмѣстѣ и благоволенія Божія. И тогда Богъ осудилъ че-

ловѣка на трудъ печальный и изнурительный. Природа, не узнавая уже въ немъ законнаго царя своего, возстала противъ него. Надобно стало силою восхищать у нея то, что прежде она приносила ему доброхотно въ дань, какъ покорная рабыня своему владыкѣ.—Осужденіе распространилось на весь родъ человѣческой. Не одинъ земледѣлецъ въ потъ лица снискиваетъ хлѣбъ. Нѣтъ ни одного сословія, которое было бы свободно отъ труда, болѣе или менѣе обременительнаго. *Непразднство велие создано бысть всякому человеку, и иго тяжко на сыныхъ Адамыхъ, отъ дне исхода изъ чрева матери ихъ до дне погребенія въ мать всѣхъ: отъ сядящаго на престолъ славы, и даже до смиреннаго на земли и пещель: отъ носящаго багряницу и вѣнецъ, и даже до одъвающагося льняною* (Сир. 40. 1, 3, 4), говоритъ Премудрый. Тѣ сословія отъ коихъ требуется менѣе труда тѣлеснаго, обязаны болѣе нести труда духовнаго, который часто бываетъ и для тѣла изнурительнѣе, нежели тяжелый трудъ тѣлесный. Всякому утомителенъ свой трудъ, тяжело собственное бремя; чужое кажется легче потому, что не чувствуемъ чужой тяжести и видимъ чужой трудъ только издали, и потому не вполне, а въ уменьшенномъ видѣ. На самомъ же дѣлѣ осужденіе на трудъ, изреченное Богомъ прародителю нашему, исполняется на всѣхъ, не смотря на различіе званій и состояній и обстоятельствъ сопровождающихъ жизнь каждаго. Кто старается какимъ-бы то ни было образомъ освободиться отъ сего осужденія, тотъ или подвергается нуждамъ и лишеніямъ въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, или нравственному униженію и общему пренебреженію. Лѣность и праздность никогда и ни отъ кого не могутъ пріобрѣсти уваженія. И такъ трудъ составляетъ необходимое условіе жизни, и вмѣстѣ Богомъ возложенную обязанность, отъ которой никто не долженъ и не можетъ безнаказанно уклониться. Но онъ назначенъ намъ въ наказаніе за грѣхъ, и потому каждый въ своемъ званіи и состояніи, по роду обязанностей, съ нимъ соединенныхъ, долженъ нести трудъ съ терпѣніемъ, въ духѣ покаянія и покорности Богу, осудившему насъ на труды; долженъ приносить свои труды въ умилостивительную жертву за грѣхи свои; тогда

труды земные не останутся безплодными и для будущей жизни, содѣлаются однимъ изъ средствъ къ освященію души и къ возвращенію того покоя, который потеряли мы чрезъ грѣхъ. Кто трудится только для того, чтобы поддерживать свое временное на землѣ существованіе или пріобрѣтать выгоды и удобства въ земномъ странствованіи, не имѣя въ виду жизни вѣчной, небесной, тотъ въ наказаніи Божіемъ ищетъ только пищи плоти и страстямъ, не обращая ея въ дѣльное врачевство для души. Трудись, возлюбленный о Христѣ братъ, на землѣ такъ, чтобы земной твой трудъ былъ степеню восхожденія къ небу, т. е. помышляй въ трудѣ не объ однихъ земныхъ выгодахъ и пріобрѣтеніяхъ, но и о томъ, чтобы въ земныхъ пріобрѣтеніяхъ имѣть средство къ снисканію благоволенія Божія устроеніемъ блага ближнихъ.

И такъ будемъ трудиться, каждый въ своемъ званіи и состояніи, сообразно съ намѣреніемъ Божіимъ, на пользу не только тѣла, но и духа, не только для временной, но и для вѣчной жизни, въ духѣ покаянія, будемъ смотрѣть на трудъ каждому изъ насъ назначенный, какъ на наказаніе Божіе за грѣхъ, и вмѣстѣ какъ на средство очищенія и охраненія души отъ грѣховъ новыхъ, и потому поцесемъ труды жизни съ терпѣніемъ, добросовѣстностію и усердіемъ. Тяжесть трудовъ опустя напоминаетъ намъ о нашей виновности предъ Богомъ, за которую осуждены мы на позниженныя труды; она должна располагать насъ къ облегченію бремени грѣховнаго очищеніемъ сердца отъ земныхъ пристрастій и грѣховныхъ наклонностей. Трудись на землѣ и для земныхъ нуждъ, но не будемъ терять изъ виду спасенія души, котораго, по слову Спасителя, не можетъ замѣнить пріобрѣтеніе сокровищъ цѣлаго міра. *Кая подвѣза человеку, глаголетъ Господь, аще міръ весь пріобрѣдетъ; душу же свою отщепитъ; или что дастъ человекъ за душу свою? (Мат. 16: 26).* Всякій трудъ, какъ бы онъ ни былъ постояненъ и благодѣтеленъ, если не имѣетъ отношенія къ вѣчному спасенію души, если ограничивается только земными цѣлями, есть не боязе, какъ многоработное дѣло праздности, или какъ выражается Премудрый, прилежаніе праздности (Прем. 13:—13.) и тотъ, кто весь вѣкъ провелъ въ тяжелыхъ и непрерывныхъ трудахъ, не поставляя послѣднею цѣлію своихъ трудовъ спасенія души, не можетъ въ часъ смерти сложить съ себя бремя земныхъ трудовъ съ упованіемъ вѣчнаго успокоенія и вѣнца правды, или тотъ, кто только благихъ трудовъ плодъ благословенъ (Прем. 15:). *Вспри убо Господеви и пребизай въ труды твои; яко удобно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати человеку по долготѣ его (Сир. 1: 20; 26).* Амвн.

Корреспонденція „Моск. Епарх. Вѣд.“ О церковно-приходскихъ бібліотекахъ.

Отъ редактора: Давно меня занимаетъ весьма важный, практический и многоплодный по своимъ послѣдствіямъ вопросъ Таковымъ, по крайней мѣрѣ, онъ представляется мнѣ. Это вопросъ о заведеніи церковно-приходскихъ,

или, смотря по удобству, *благочинническихъ бібліотекъ.* Не думаю, что это вопросъ новый и только меня занимающій; но мнѣ, въ нижеслѣдующихъ строкахъ, хотѣлось бы только поставить его возможно явнѣе, и осозательнѣе чтобы сдѣлать его вопросомъ общимъ, живымъ, интересующимъ и требующимъ неотлагательнаго рѣшенія. Начинаю, и начинаю нѣсколько издалека.

Мы живемъ въ такіе дни, когда наше православное духовенство не игнорируетъ, какъ бывало прежде, не признавая за нимъ почти никакой нравственной силы, — нѣтъ, его всё видятъ, объ немъ много говорятъ; но только одни при этомъ отзываются объ немъ крайне несочувственно и пренебрежительно (что, однако, не есть уже простое игнорированіе), полагая, что наше духовенство развѣ только въ отдаленномъ будущемъ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ оно бываетъ въ другихъ христіанскихъ странахъ, или чѣмъ оно должно быть, хотя для такихъ людей это „должно быть“ едва ли и желательно. Другіе же, болѣе доброжелательные и благомыслящіе, видятъ въ духовенствѣ и теперь, при настоящихъ условіяхъ, значительную нравственную силу, но и они не преминутъ замѣтить, что чего-то ему не достаетъ, что оно мало или недостаточно заявляетъ свою нравственно-просвѣтительную дѣятельность, что оно стоитъ какъ будто внѣ общественной дѣятельности, ведетъ какую-то замкнуто-созерцательную жизнь, какъ будто боится встать обѣими ногами среди общаго движенія; такъ и кажется постороннему наблюдателю, что наше духовенство не интересуется окружающею жизнью, будучи погружено въ свои домашніе интересы и ближайшія внѣшнія обязанности. Этотъ послѣдній взглядъ, намъ кажется и вѣрнѣе и благожелательнѣе. Само собою разумѣется, что такой взглядъ относится, такъ сказать, къ массѣ, къ большинству духовенства, а не къ единичнымъ свѣтлымъ личностямъ, которыя несомнѣнно есть, но которыя еще болѣе оттѣняютъ собою большинство, какъ оазисъ дѣлаетъ еще непривѣтливѣе пустыню. Понятно, чего хочется свѣтскому мыслящему обществу отъ нашего духовенства. Ему хочется, чтобы оно было опредѣленной, видной и осозательной для каждаго нравственной силой. Эта сила должна всюду обнаруживать свою энергію, дѣятельность; она должна мыслить, говорить, жить общою жизнью или среди общей жизни, и на все отзываться и откликаться — однимъ словомъ хотѣть, чтобы духовенство было не случайнымъ гостемъ въ чужомъ ширѣ, не простымъ созерцателемъ какихъ-то невѣдомыхъ и чужихъ ему замысловъ общественной жизни, а полноправнымъ согражданиномъ, другомъ семейства, все принимающимъ къ сердцу и всюду являющимся, какъ необходимый элементъ, съ своимъ нравственно-религіознымъ свѣточемъ. Оно должно быть *всѣмъ все*: для образованно-благомыслящаго человека опорой и лицомъ (сочувствующимъ, мыслящимъ въ уровень съ нимъ, для неболагомыслящаго — полнобиснымъ и доказательнымъ обвинителемъ, для невѣжды — просвѣтителемъ и руководителемъ и т. д. и т. д.). Положимъ это идеаль, но что такое духовенство безъ стремленія къ этому идеалу?.... И такъ рѣчь не объ этомъ.

Речь о средствах къ достиженію этого идеала. Какъ достигнуть того, чтобы духовенство было живымъ, энергичнымъ и дѣятельнымъ проводникомъ въ жизнь нравственно-просвѣдительныхъ началъ христіанства; какъ вывести его изъ узкаго домашняго круга интересовъ и заставить встать на точку зрѣнія мыслящихъ людей, понимающихъ общіе интересы времени и страны и трудящихся на общую пользу? Короче—какъ вдохнуть жизнь и придать стройное и цѣлесообразное движеніе разрозненнымъ членамъ, освободить духовенство отъ *апатии, узкости взглядовъ и общественной изолированности*? Кто знаетъ наше духовенство, тотъ не скажетъ, что въ немъ нѣтъ этихъ недостатковъ, не будь ихъ—мы имѣли бы въ пастыряхъ церкви дѣйствительныхъ и живыхъ проповѣдниковъ, не будь ихъ—у насъ было бы больше народныхъ школъ, не будь ихъ—о духовенствѣ съ уваженіемъ бы отзывались, и во всякомъ случаѣ оно являлось бы громадною нравственною силою, свѣтомъ и солью земли—для всѣхъ потребными. Все это желательно не только для общества, но и для самаго духовенства. Надо замѣтить, что и духовенство, вообще говоря, начинаетъ понимать свое одиночество и неловкость своего положенія среди общаго движенія и тѣхъ надеждъ, которыя возлагаются на него; но у него какъ будто не достаетъ инициативы, сподручныхъ, ближайшихъ средствъ и мужества для того, чтобы сбросить съ себя старую рутину, выпрямиться во весь ростъ и пойти прямо и бодро на встрѣчу жизненныхъ запросовъ къ нему... Оно и понятно, впрочемъ, ибо такое положеніе создавалось вѣками; голова отвыкла отъ свѣжихъ мыслей, воля одрябла и привыкла ходить только по истоптанной дорожкѣ привычныхъ дѣйствій и будничныхъ неотложныхъ нуждъ. Вслѣдствіе этого интересы измельчали и каждой ушелъ въ самого себя, забывъ про остальной міръ. Благодаря отсутствію умственной жизни и общихъ идеаловъ, каждое духовное лицо живетъ особнякомъ, не чувствуя нужды въ обмѣнѣ мыслей. Нашихъ духовныхъ лицъ даже сосѣдей по приходамъ, сближаютъ развѣ только праздники, да матеріальные интересы. Если и сойдутся они вмѣстѣ, то разговоръ ихъ будетъ вертѣться около посявовъ, да покосовъ и т. д. Изрѣдка только можно услышать разговоръ о чьей либо школѣ, о проповѣди, о дѣйствіи на раскольниковъ. Но и въ такомъ разговорѣ чаще всего звучитъ пронія надъ своимъ же братомъ—высочкой, посылно трудящимся въ какой либо изъ этихъ областей: награды молъ захотѣлъ...

Что дѣлать съ такимъ положеніемъ вещей? Откуда ждать возбужденій, мужества и почина?

Не думаемъ, чтобы въ этомъ случаѣ что-либо могли сдѣлать разнаго рода указы, циркуляры, да предписанія даже самыя строжайшія. Мы знаемъ одну епархію; въ которой для пробужденія противораскольнической дѣятельности духовенства были учреждены, сверхъ обыкновенныхъ благочинныхъ, еще такъ называемые „окружные благочинные“ съ разнаго рода полномочіями и секретными инструкціями. И что же? Пользы никакой. Что

было, то и осталось. Прибѣдетъ „окружный“ на тройкѣ два раза въ годъ въ каждое село своего округа, спроситъ священника: не обратился ли кто изъ раскола, или не перешелъ ли кто въ расколъ, выслушаетъ жалобы на пьяныхъ причетниковъ, а главное возьметъ прогоны и дѣлу конецъ! Кому польза? Да никому, кромѣ развѣ „окружнаго“, которому отъ прогоновъ, конечно, перепало кое-что... Подобная теорія чиновничества и надстройки ревизій надъ ревизіями—старая теорія и всѣмъ извѣстная изъ прошедшаго по своей бесплодности. Это самый непрактичный палліативъ. Всякій извоциль знаетъ что на кнутѣ далеко не убѣдешь, если лошадь истощена. Болѣзнь внутреннюю и лѣчить нужно внутренними средствами, а не наружными. Но не таковы ли напр., всѣ предписанія о томъ, чтобы каждый священникъ непременно сказалъ пять или шесть проповѣдей въ годъ, какъ это видно изъ многихъ епархіальныхъ вѣдомостей? Что же выйдетъ за проповѣдь, написанная съ цѣлю отбыть повинность? Подобные факты говорятъ только о томъ, что духовенство забыло о самой главной своей обязанности; что голова у него занята совсѣмъ другимъ, а не словомъ учительства. Это фактъ поразительный и лучше всего доказывающій сказанное нами о духовенствѣ вообще.

Возложить надежду на школу, на семинарское образованіе? Но и это не все. Много ли у насъ теперь священниковъ, даже диаконовъ, неокончившихъ курсъ въ семинаріи?—Думаемъ, —весьма немного. Отчего же все идетъ по старому? Само собою разумеется, что мы не противъ школы, а главное—не противъ образованія. Школа великое дѣло. Не даромъ и правительство духовное настойчиво издавна требовало для лицъ священнаго сана по крайней мѣрѣ полнаго семинарскаго образованія. Но на школу-то у нашего духовенства составилась довольно своеобразная взгляды,—вотъ въ чемъ отчасти бѣда. Школа по взгляду нашего духовенства, есть *средство*, дающее священство; ибо въ ней есть первый и второй разрядъ, дающій такія или иныя *права*. Заручился этими правами и дѣлу конецъ: я теперь, говоритъ окончившій курсъ въ семинаріи, могу быть священникомъ, могу бы и продолжать свое ученіе напр. въ университетѣ, да что-то не хочется, я уже усталъ и замучился въ погонѣ и за этими *правами*,—надо отдохнуть, т. е. поскорѣе поступить на мѣсто, да какъ бы лучше занять приходъ. Наконецъ, поступилъ на *мѣсто*, которое даетъ 300—500—700 р., въ годъ. Цѣль достигнута, нашъ герой *отдыхаетъ* на первыхъ порахъ, т. е. окончательно забываетъ семинарскія тетрадки. Но вотъ уже и семинарія испарилась изъ головы и только едва-едва брезжитъ гдѣ-то вдалекѣ, въ туманѣ. А тутъ, смотришь, и семейство увеличилось, хлопотъ прибавило, сонъ и отдыхъ нарушенъ, пришлось проснуться, но чѣмъ занята голова?—Насущнымъ хлѣбомъ, денегъ мало, приходъ бѣденъ, дѣтей печѣмъ *воспитывать*, нельзя ли перейти въ другой—богатый приходъ. Мысль эта, какъ кошмаръ, днемъ и ночью не даетъ покоя; дѣлаются попытки, начинаются путешествія въ губернскій городъ и т. д. Этой повѣсти не кончимъ, но

она понятна и безъ того. Есть, конечно, исключительныя личности, у которыхъ и среди такой обстановки, не всѣмъ испаряются и заглушаются болѣе возвышенныя и человѣчныя потребности. Но много ли ихъ? И спора ли ихъ дѣятельность среди розни и господства другихъ интересовъ? Примѣръ, среда и вѣковые обычаи и привычки составляютъ могучую силу, неотразимо дѣйствующую. Чье угодно терпѣніе истощится и какія угодно возвышенныя стремленія разобьются о такую дѣйствительность. Здѣсь нужно высшее самоотверженіе, чтобы проложить новые пути и увлечь за собою менѣе энергичныхъ дѣятелей. Но къ такому апостольству, въ древнемъ смыслѣ, не многіе способны...

Безъ сомнѣнія, на молодое поколѣніе легче и плодотворнѣе дѣйствовать, и школа могла бы въ этомъ отношеніи оказать громадную услугу, если бы смогла прежде всего и главнѣе всего отучить будущихъ священниковъ отъ утилитарнаго взгляда на себя, т. е. на школу, а потомъ, естественно, и на послѣдующую дѣятельность внѣ школы и послѣ оной. Но когда-то это будетъ и будетъ ли особенно въ нашъ утилитарный вѣкъ?...

Но пусть это такъ, т. е. пусть школа успѣетъ вдохнуть въ своихъ питомцевъ безкорыстное и возвышенное стремленіе къ апостольской дѣятельности на поприщѣ священства. Но все ли тутъ? Не думаемъ, ибо знаемъ какъ жизнь передѣлываетъ школьныхъ энтузіастовъ. На неблагопріятной почвѣ и хорошее зерно принесетъ *малъ плодъ*. Слѣдовательно, нужно дѣло поставить такъ, чтобы внѣ-школьная среда не глушила привитую въ школѣ энергію и стремленіе трудиться. Нужно, чтобы школьникъ, будучи еще на школьной скамьѣ, не создавалъ себѣ взгляда на священство, какъ на отдыхъ отъ школьныхъ трудовъ. А такой взглядъ, при настоящемъ порядкѣ вещей, несомнѣнно создается, ибо сынъ видитъ, что дѣлаетъ его отецъ и другіе подобныя пастыри, т. е. видитъ, что они ничего не дѣлаютъ, и только развѣ иногда плачутся на свою судьбу. Здѣсь одно другимъ обусловливается. Пастырская дѣятельность не даетъ возбужденій молодому поколѣнію, обучающемуся въ семинаріи, что, естественно, и отражается на самой школѣ, а потому и школа возвращаетъ въ жизнь то, что выросло на этой жизненной почвѣ. Вотъ почему, между прочимъ, на школу нельзя пенять и отъ школы нельзя всего требовать. Исправьте себя и требуйте себѣ подобнаго отъ школы, ибо послѣдняя не въ силахъ создать *„новую породу“* людей. Если мы отъ школы вправѣ требовать образованія для молодого поколѣнія, то отъ жизненной среды, которая дала школьникамъ и въ которую они возвратятся, точно также вправѣ требовать всѣхъ благопріятствующихъ средствъ для *самообразованія*, или для продолженія школьнаго образованія. Худо и школѣ и самой жизни, если послѣдняя ведетъ молодое поколѣніе не къ самообразованію, а къ *самоглушенію*, такъ сказать. Вотъ здѣсь-то, по нашему мнѣнію, и заключается главный корень зла пастырской среды. Она заглухла и глушитъ, потому что въ ней нѣтъ стремленія къ *самообразованію*. Школьникъ

прежнихъ лѣтъ любилъ, по окончаніи курса, уносить съ собою въ жизнь и тѣ тетрадки, по которымъ онъ учился и которыя любилъ, зная что онѣ ему пригодятся и послѣ и составлять его домашнюю бібліотеку; нынѣшній же школьникъ ждет не дождется послѣдняго экзамена, чтобы тутъ же изорвать свои тетрадки, бросить ихъ въ печку или затоптать ногами. Этотъ фактъ имѣетъ глубокой смыслъ. Очевидно, такому человѣку нужна не наука и книга, а *право*. Право получилъ—книга не нужна. Вотъ такого-то человѣка мы и видимъ потомъ на пастырской дѣятельности. Но ему ли заботиться о заведеніи народной школы, его ли дѣло жывая проповѣдь, онъ ли будетъ бороться съ расколомъ и т. д?... Придетъ ли такому человѣку мысль о самообразованіи и саморазвитіи? Книгъ онъ не любитъ и давно съ ними покончилъ, а безъ книгъ и труда надъ ними, откуда придетъ самообразованіе и охота къ самообразованію? Результатъ же такого нравственно интеллектуальнаго состоянія понятенъ....

Такимъ образомъ мы договорились до книгъ, а слѣдовательно и до бібліотекъ. Теперь намъ слѣдовало бы доказать ту мысль, что въ *этихъ бібліотекахъ именно и заключается средство къ возбужденію пастырской дѣятельности*. Но нужны ли доказательства, особенно если взять во вниманіе сказанное выше? Не твердили ли каждому изъ насъ еще на школьной скамьѣ, что чтеніе книгъ полезно? А можетъ быть многіе изъ теперешнихъ батюшекъ даже изощряли свое витійство надъ рѣшеніемъ подобной темы въ той же школѣ? Если это такъ, то тѣмъ лучше. Давно сказано, что съ умнымъ человѣкомъ говорить проще, потому что ему не нужно по крайней мѣрѣ доказывать аксіомъ. Напомнимъ только, что иное дѣло семинарское сочиненіе и иное дѣло практическое осуществленіе сказаннаго зачастую для краснаго словца. Мы знавали многихъ своихъ товарищей, которые отлично писали сочиненія на тему „чтеніе книгъ полезно“, а сами, между тѣмъ, книгъ въ руки не брали. Не сказывается ли этотъ фальшь потомъ и въ жизни? Мы имѣемъ совершенно достаточныя основанія утверждать это. Мы знаемъ многихъ священниковъ, которые всякій разъ при встрѣчѣ съ ними, повторяютъ одно и то же, что имъ скучно—почитать нечего, а попробуй дать имъ книгу совершенно по ихъ вкусу и несомнѣнно полезную и интересную,—два года ее потомъ и не дождешься и, если потребуешь наконецъ, то откровенно скажутъ вамъ, что книга все еще не прочитана, разумѣется за недосугомъ.... Но этотъ же священникъ, при открытіи на примѣръ народной школы, истощитъ всѣ доказательства, усиливаясь разъяснить сельскимъ мальчикамъ и ихъ родителямъ, что ученіе—свѣтъ, а неученіе—тьма, „что книга тотъ же умный собесѣдникъ для грамотнаго человѣка, изъ книги можно узнать и то-то и то-то и т. д. Невольно здѣсь припоминается слово Вѣчной правды: «все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и дѣлайте; по дѣламъ же ихъ не поступайте: ибо они говорятъ и не дѣлаютъ». (Мат. 23, 3). Но насколько бы выпла дозательнѣе таже самая рѣчь священника, если бы она подтверждалась собственнымъ

примѣромъ его? Не подумали ли бы про себя тѣ же сельскіе мальчуганы, что батюшка говоритъ правду: мы сами видали его, онъ какъ просиживаетъ цѣлыя ночи за чтеніемъ книгъ,—оттого онъ и умный такой!... А мы прибавили бы отъ себя, что оттого онъ и дѣятельный такой и энергичный; ибо ничто другое, какъ книга же натолкнула его и на открытіе школы въ своемъ захолустѣ. Теперь рѣдкая книга не говоритъ чего нибудь о народномъ образованіи, и читая ихъ невольно заражаешься общимъ желаніемъ и стремленіемъ къ просвѣщенію массъ. Къ тому же умному человѣку, читающему книги не просто для забавы или усущенія, жалко становится смотреть на окружающее его невѣжество и повсюдное суевѣріе. И вотъ, какъ какъ солнце не можетъ не свѣтить и не грѣть, такъ и просвѣщенный человѣкъ—не можетъ не просвѣщать окружающее себя... Да, чтеніе книгъ и библіотеки суть великое дѣло. Человѣкъ, читающій книгу, гдѣ бы онъ ни находился, хотя бы въ Колѣ или на Алеутскихъ островахъ, принадлежитъ къ образованному кругу людей. Онъ какъ бы присутствуетъ мысленно въ томъ или другомъ кабинетѣ любого ученаго. Онъ слушаетъ его, бесѣдуетъ съ нимъ. И эта бесѣда приобщаетъ далекаго странника къ мыслящей средѣ, которая будитъ, живитъ всякую дѣятельность, облегчаетъ трудъ и даетъ новыя силы и возбужденія на дальнѣйшіе подвиги. Не сознать и не понимать этого не можетъ тотъ, кто хотя одну книгу прочелъ когда либо, хотя бы еще въ школѣ съ увлеченіемъ и съ удовольствіемъ. Намъ даже и представить трудно человѣка мыслящаго, прошедшаго хотя какую либо школу, но потомъ заброшеннаго въ даль и глушь,—безъ книги! Не самоотверженіе ли это? По нашему мнѣнію, лишитъ книгу образованнаго человѣка, значитъ подвергнуть его величайшей пыткѣ и наказанію. Это все равно, что рыбу вынуть изъ воды и лишитъ ее необходимой для нея стихіи. Ужели наше духовенство, претендующее на образованность и долженствующее быть свѣтомъ для темныхъ массъ народа, до такой степени заглушило въ себѣ эту благородную и многоплодную подробность, что можетъ жить десятки лѣтъ, не беря книги въ руки, кромѣ официальныхъ предписаній, да метрикъ или росписей? Зачѣмъ же, послѣ этого, и учиться въ семинаріяхъ, а можетъ быть и въ академіяхъ? Однимъ словомъ, чѣмъ больше вдумываешься въ этотъ вопросъ, тѣмъ все къ большому и большому приходишь недоразумѣніямъ. А главное, не объясняется ли въ самомъ дѣлѣ, отсутствіемъ библіотекъ или чтенія то положеніе духовенства, въ какомъ оно находится въ интеллектуальномъ отношеніи, и о которомъ говорилось выше? По нашему мнѣнію, да... И внутренно мы сознаемъ эту истину съ необыкновенною ясностью и наглядностью. Не знаемъ только успѣли ли доказать ее здѣсь, на бумагѣ. Къ сказанному прибавимъ еще слѣдующіе факты, считающіеся въ педагогикахъ аксіомами. Кто бываютъ лучшіе ученики въ школѣ, напр. въ семинаріи, въ гимназіи; или въ академіи и университетѣ? Тѣ, отвѣтитъ вамъ наставникъ, или и самъ школьникъ, которые не ограничиваются въ

своихъ занятіяхъ, такъ сказать, казенными уроками и обязанностями, а которые самостоятельно и по собственной любознательности находятъ время читать книги, кромѣ учебниковъ и заданныхъ уроковъ... Какой самый лучший наставникъ? Тотъ который слѣдитъ за успѣхами своей науки, изучаетъ ее во всѣхъ ея объемахъ, а не тотъ, который знаетъ только классный учебникъ и ничего больше знать не хочетъ. Тотъ живой человѣкъ, а этотъ мертвый, и по казенному, нехотя тянущій свою лямку. У того въ классѣ живутъ и слушаютъ, а у этого спятъ или шалаютъ. Тоже самое говорятъ о докторахъ и т. под. людяхъ. Поставьте тотъ же вопросъ относительно священника и попробуйте отвѣтить. Что же выйдетъ? Ужели лучший священникъ тотъ, который уснулъ еще на семинарской скамьѣ, полусонный оказался на приходѣ и далѣе требъ не простирается? Но безъ книги и шевелящихся идей заснуть, отъ скуки, и живой человѣкъ, а съ книгою и въ разсуждающей средѣ можетъ ободриться и дремлющій. И такъ, нашему духовенству нужны книги, мысли, идеи. Безъ нихъ оно все будетъ тѣмъ же, чѣмъ было и есть. А книгъ у духовенства дѣйствительно нѣтъ, и оно не можетъ сказать, что и книги не помогаютъ,—и это новый доводъ въ пользу нашей мысли. А что книгъ духовенство не читаетъ, это съ наглядностью показываетъ наша духовная періодическая печать. Для точности, хорошо бы въ этомъ отношеніи отобрать у редакцій вѣрныя свѣдѣнія о количествѣ подписчиковъ, съ обозначеніемъ, сколько изъ нихъ свѣтскихъ, и сколько духовныхъ. Но мы, впрочемъ, имѣемъ нѣкоторые вѣроятныя данныя на этотъ счетъ. Возьмемъ напр. „Православное Обозрѣніе“. Это журналъ существующій съ 1861 г., слѣдовательно болѣе 10 лѣтъ и стало быть не безъ извѣстныхъ. Не думаемъ также, чтобы читать его было излишне любому сельскому священнику. Но и этотъ журналъ расходуется не болѣе, какъ въ 2000 экземплярахъ. Очевидно, что читаютъ его весьма немногіе священники; такъ какъ его несомнѣнно выписываютъ болѣе 50 семинарій а можетъ быть нѣкоторые духовныя училища, потомъ академіи, университеты, многія городскія публичныя библіотеки, архіереи, и свѣтскія лица и учрежденія. Сколько же останется на долго священниковъ?.. А вѣдь въ Россіи считается болѣе 35,000 православныхъ приходоѡвъ! Но это еще не особенно поразительно. А вотъ редакция „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“ года три или четыре назадъ заявляла въ своемъ журналѣ, что онъ расходится всего—на все въ 600 экземплярахъ! Думаемъ, что и другіе духовныя журналы, приблизительно, расходятся въ томъ же количествѣ экземпляровъ. Не поразительное ли это явленіе?! И поразительно оно во многихъ отношеніяхъ: возьмемъ ли мы интересы вообще духовенства, безъ сомнѣнія много теряющаго отъ того, что оно не читаетъ; возьмемъ ли мы интересы издателей духовныхъ журналовъ и наконецъ интересы самой духовной науки? Первое уже доказано; второе и третье ясно и безъ того. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не подивиться, какъ еще существуютъ наши духовныя журналы, при столь

маломъ числѣ подписчиковъ и дешевой цѣнѣ. Только любовь къ духовному просвѣщенію и значительная доля самопожертвованія издателей и сотрудниковъ способны объяснить такой фактъ: Кому неизвестна ничтожная плата (отъ 20 до 25 руб. за печатный листъ) сотрудникамъ духовныхъ журналовъ? Но иначе нельзя и поступать, имѣя въ виду тѣ средства, которыми располагаютъ издатели духовныхъ журналовъ. Кто же послѣ этого, способенъ будетъ отдать всего себя на служеніе наукѣ? Дадутъ ли голоду думрешы? Пусть ужь и пишутъ тѣ, которые получаютъ казенное жалованье за духовную науку. Вотъ тутъ и процвѣтай духовная наука! Если духовные журналы еле-еле влечать свое существованіе, то что сказать объ изданіи отдѣльныхъ книгъ по духовной наукѣ? Здѣсь риску еще болѣе, ибо авторъ ничѣмъ не гарантированъ, что его изданіе разоидется и купится. Оттого мы и видимъ, что вновь издающаяся духовная литература ограничивается почти исключительно брошюрками, въ родѣ житій святыхъ, толковыхъ молитвенниковъ, краткихъ священныхъ исторій и т. под. Здѣсь по крайней мѣрѣ есть надежда на народныя школы, на офеней, развозящихъ ихъ по сельскимъ ярмаркамъ и продающихъ тѣмъ же простолюдинамъ. Такого рода изданіями Никольская улица въ Москвѣ создала себѣ даже всероссійскую извѣстность, спекулируя подобнаго рода духовною литературою. Какое безвыходное положеніе для духовной науки, куда ни посмотришь! И какъ здѣсь все одно другимъ обуславливается! Духовенство дремлетъ и апатично относится къ своему самообразованію, и духовная журналистика едва-едва существуетъ, ученыхъ книгъ не издается и духовная наука въ зародышѣ. И не будь у насъ духовныхъ академій, въ которыхъ профессора обязаны писать докторскія диссертации, — ученыхъ книгъ у насъ и вовсе не являлось бы. Да и эти ученые книги съ трудомъ можно найти въ продажѣ, ибо онѣ печатаются почти единственно для того, чтобы роздать извѣстное число экземпляровъ на актѣ. Печатать же въ большемъ числѣ — рискъ и убытокъ! Можетъ ли идти успѣшно дѣло духовнаго просвѣщенія при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ? — Очевидно, нѣтъ и оно дѣйствительно въ жалкомъ положеніи. Но относись наше духовенство болѣе гросвѣщеннымъ образомъ къ духовной наукѣ и литературѣ, и дѣло приняло бы другой оборотъ. Тутъ все бы выиграло: общество, церковь, духовенство, наука и трудящіеся на пользу ея.

А помощь бѣдѣ весьма бы легка. Выше сказано, что въ Россіи 35,000 приходовъ. И вотъ если бы хотя каждый 20 приходовъ (или благочиніе, въ которомъ среднимъ числомъ не больше бываетъ приходовъ) устроили библиотечку и выписали для нея по 1 экземпляру въ годъ всѣхъ или нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ, то сразу потребовалось бы 1,750 экземпляровъ. Въ такомъ же количествѣ расходовались бы на другія серьезныя богословскія книги, для пополненія библиотекъ. При этомъ богатые приходы могли бы заводить и свои самостоятельныя библиотечки, и въ этомъ случаѣ они нашли бы сочувствіе

во многихъ состоятельныхъ прихожанахъ, стоило бы только захотѣть ихъ въ чтеніи духовныхъ книгъ. И какое бы широкое поле открылось въ будущемъ для религіознаго нравственнаго просвѣщенія не только пастырей, но и простыхъ! А привязанность прихожанъ къ церкви приобрѣла бы новую разумную опору, ибо церковь привлекла бы ихъ не только своею живою проповѣдью, но и книжною, духовною пищею, особенно теперь — при всеобщей заботливости о народныхъ школахъ и народномъ образованіи. Приятно здѣсь отмѣтить фактъ, что дѣло учрежденія приходскихъ библиотекъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ поставлено уже на практическую дорогу. Такъ въ казаской епархіи, по словамъ тамошняго викарія — прѣосвященнаго Исаакія, заботливость о заведеніи при церквяхъ библиотекъ проявляется во всѣхъ приходахъ. Гдѣ уже устроены библиотечки, тамъ стараются о ихъ приращеніи, гдѣ нѣтъ, тамъ усиленно хлопочуть о заведеніи таковыхъ. Благодаря подобной заботливости духовенства, въ нѣкоторыхъ церковныхъ библиотечкахъ имѣется уже свыше 200 названій книгъ, а число приходовъ, въ которыхъ нѣтъ библиотекъ, весьма незначительно. Такъ идетъ это дѣло въ казаской епархіи. А вотъ въ Самарской губерніи, въ духовенствѣ III благочинческаго округа, Ставропольскаго уѣзда, на одномъ изъ своихъ съѣздовъ постановило для доставленія удобствъ въ чтеніи выписываемыхъ въ благочинческую библиотечку журналовъ и книгъ раздѣлить ее на двадцать складочныхъ пунктовъ, съ тѣмъ, чтобы передача книгъ и журналовъ изъ одного пункта въ другой совершалась чрезъ три мѣсяца со дня полученія. По окончаніи года, всѣ выписанныя книги и журналы должны поступать на храненіе въ одинъ пунктъ, именно въ одинъ изъ отдѣленій библиотечки. Поддержаніе библиотечки по прежнему оставить на средства духовенства, полагая съ священника 2 руб. 50 к., съ діакона 1 руб. 25 к. и съ причетника 60 коп. Сер. Подлинныя журналы подписали 12 священниковъ, 4 діакона и 21 причетникъ. Духовенство другаго благочинческаго округа, по обсужденіи вопроса о выпискѣ духовныхъ журналовъ для пополненія ими церковныхъ библиотекъ, между прочимъ постановило слѣдующее: по мѣрѣ средствъ, каждая церковь должна выписывать журналы духовнаго содержанія, съ раздѣленіемъ церкви на волостныя округа, съ тѣмъ, чтобы по соглашенію настоятелей церквей, выписываемые журналы въ одной церкви пересылались въ другія церкви поочередно. Въ церкви не должны быть выписываемы одни и тѣ же журналы. Подобныя же извѣстія о приходскихъ библиотечкахъ намъ приходилось встрѣчать, помнитъ ся, въ Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и еще, кажется, въ саратовскихъ. — Не правда-ли, какъ откровенно услышать подобное извѣстіе о духовенствѣ! Додуматься до необходимости чтенія есть уже прогрессъ, а практически осуществивъ эту думу — тѣмъ болѣе. Видно, что по умѣстамъ духовенство живетъ, мыслитъ и хочетъ идти впередъ. Это не то, что переливать изъ пустого въ порожнее, да заниматься разнаго рода пересудами и интригами, или только и думать, что плакать на свое

бѣдное существованіе... Свой же братъ находитъ средства и на то, чтобы выписать книгу и журналъ. Видно они для него не роскошь, а насущный хлѣбъ!

Но чѣмъ отраднѣе встрѣчать подобныя факты въ другихъ епархіяхъ, тѣмъ грустнѣе становится за себя, за Бѣлокаменную въ особенности и за всю епархію вообще. Въ одной Москвѣ считается до 300 приходоу — и не бѣдныхъ, полагаемъ. Въ числѣ настоятелей этихъ 300 церквей считается до 90 священниковъ съ академическимъ образованіемъ. Вотъ гдѣ, думаешь, кипитъ интеллектуальная дѣятельность на пользу духовной науки и просвѣщенія! А много ли во всей Москвѣ устроено церковныхъ библиотекъ, спросимъ мы? — Насчитать двѣ, три много пять во всей Москвѣ. По сосѣдству со мной есть одинъ приходъ, въ которомъ священникъ уже довольно пожилой человекъ (теперь умершій царство ему небесное!), а діаконъ молодой человекъ. Последний, узнавши, что мною выписываются почти все духовныя журналы, сталъ обращаться ко мнѣ за такими. Спрашиваю его однажды, отчего вы не выписываете журналовъ для своей церкви? Да, воля не моя, отвѣтилъ онъ, и прибавилъ, что у церкви есть по крайней мѣрѣ до 10,000 капитала. — Что же батюшка не выписываетъ? — Говорилъ я ему объ этомъ, да онъ сказалъ, что этого никогда не бывало, да и зачѣмъ? А то однажды тотъ же о діаконъ повѣдалъ мнѣ, что онъ просилъ своего священника купить «толковое Евангеліе» Арх. Михаила, какъ книгу весьма полезную не только для причта, но и для прихожанъ, и что же? — батюшка сказалъ: «куда такую новизну!» — Что дѣлать — разные бываютъ вкусы!.. Впрочемъ староста церковный самъ далъ денегъ о діакону для покупки означенной книги... Я знаю и другой приходъ, церковь въ которомъ построена чуть ли еще не при Иоаннѣ Грозномъ, но въ которой нѣтъ ни одной книги, кромѣ, разумѣется, богослужебныхъ и разнаго рода церковныхъ документовъ, а о библиотекѣ и помину никогда не было, — объ этомъ я даже уполномоченъ заявить печатно самимъ недавно-поступившимъ туда священникомъ. Не трудно послѣ этого повѣрить, какъ скзывали намъ въ трехъ Московскихъ редакціяхъ духовныхъ журналовъ, что почти все подписчики у нихъ исключительно иногородные, т. е. не московскіе. Нѣсть пророкъ во отечествіи, и то сказать... Но духовенство пусть не забываетъ, что духовная журналистика самымъ существованіемъ своимъ значительно подняла все сословіе въ глазахъ общества и между прочимъ имѣетъ въ виду сблизить общество съ духовенствомъ и съ духовною наукою. А выходитъ на дѣлѣ, что самое то духовенство нужно сблизать съ духовною наукою и даже съ самимъ собою... Отъ чего это зависитъ? — Мы не будемъ разбирать, единственно изъ боязни, что такой вопросъ насъ слишкомъ далеко заведетъ: имѣя же уши — слышати, да слышати. Впрочемъ одинъ священникъ на подобный вопросъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ всею душою желалъ бы выписывать духовныя журналы для своей церкви, да увѣренъ, что церковный староста ни за что не подается на такое благое желаніе. Иное дѣло, прибавилъ онъ, если-

бы до этого договорились напр. на благотворительномъ съѣздѣ и оформивши дѣло какъ слѣдуетъ, поставили бы выписку журналовъ или заведеніе библиотекъ въ нѣкоторую обязательность, какъ дѣло общее, касающееся всехъ или нѣкоторыхъ церквей; — тогда и церковный староста не возразилъ бы... Зачѣмъ же дѣло? Отчего же бы и не собраться благотворительному съѣзду? Благо московскимъ священникамъ и ѣхать не далеко! Но можетъ быть потому именно и съѣздовъ не бываетъ. Этотъ фактъ записываю кстати. А разсуждать есть о чемъ и помимо библиотекъ, такъ мало цѣнимыхъ именно въ Москвѣ. Да, это грустный фактъ и заявляя его, я желалъ бы выслушать всевозможныя возраженія, или еще больше подтвержденіе его отъ людей ближе знакомыхъ съ этимъ дѣломъ въ томъ или другомъ приходѣ. Можетъ быть, такимъ образомъ, до чего нибудь и договорились бы. Но во всякомъ случаѣ желательнѣе бы, чтобы этотъ вопросъ не замиралъ преждевременно. Онъ стоитъ того, чтобы обратить на него вниманіе. Пусть такъ или иначе откликнутся на него хотя немногіе сочувствующіе ему. Ужели и такихъ не найдется въ цѣлой-то Москвѣ? Можно, впрочемъ, положительно сказать, что найдутся и тѣ и другіе, т. е. и сочувствующіе и несочувствующіе, ибо какъ же не быть и послѣднимъ? Бываютъ разные люди. Есть люди, которые до такой степени самообольщены даже своимъ образованіемъ, что для нихъ какъ будто уже и немислимо двигаться выше и дальше по пути интеллектуальнаго прогресса, а потому они какъ бы сознательно избѣгаютъ всякаго чтенія, почивая на лаврахъ. Такого рода люди посмотрятъ на нашъ вопросъ съ высокою, по юпитеровски, и пріятно, самодовольно улыбнутся. Такіе люди не могутъ сочувствовать и чему бы то ни было, но и пусть ихъ!.. Есть люди до такой степени погружившіеся въ хозяйственныя интересы, что для нихъ чтеніе книгъ есть пустое, ничего не дающее и ни къ чему не ведущее препровожденіе времени, а книга и библиотека вѣдь требуютъ расходовъ!.. Вотъ если бы она сулила горы золота, тогда... Есть люди отжившіе свой вѣкъ, отвыкшіе вообще мыслить и проявляющіе свое лицо только при воспоминаніяхъ дѣтства и дѣлъ давно минувшихъ дней. И такимъ людямъ какъ сочувствовать тому, что есть дѣло будущаго, что обѣщаетъ развитіе и процвѣтаніе на русской почвѣ духовной науки и литературы?!.. Есть люди, любящіе больше говорить, чѣмъ дѣлать. Они выпускаютъ нѣсколько красивыхъ фразъ, на минуту восхитятся могущими быть результатами отъ предпринимаемаго дѣла, а потомъ... успокоится. И tutti quanti — всехъ не перечесть: міръ Божій разнообразенъ! Но есть общіе интересы — интересы цѣлой русской церкви и всего русскаго общества; нужно хотя по временамъ помнить это... Такимъ образомъ мы свели нашъ вопросъ, по существу общій, касающійся духовенства всей Россіи, — на частную, московскую почву, ибо кому же свое не дорого? — Московскія Епархіальныя Вѣдомости позволяю себѣ надѣяться, безъ сомнѣнія не откажутся удѣлить мѣсто на своихъ столбцахъ для помннутыхъ выше разъясненій

клонящихся къ практическому рѣшенію поднятаго нами вопроса. А Общество любителей духовнаго просвѣщенія, по самому принципу своему, конечно, не можетъ этому не сочувствовать.

Священникъ.

Присоединеніе къ православной церкви раскольницы безоповщинской секты.

Въ 1868 году день праздника Вербнаго воскресенья въ Московской Борисо-Глѣбской, у Арбатскихъ воротъ, церкви былъ ознаменованъ крещеніемъ одного изъ евреевъ, медика Гальперина, который затѣмъ расположилъ къ крещенію и свое семейство: жену, дѣтей и братьевъ. Въ настоящемъ году день этого же праздника и въ томъ же храмѣ былъ ознаменованъ присоединеніемъ къ православной церкви одной изъ раскольниковъ безоповщинской секты. Раскольница эта Московская мѣщанка, дѣвица, 19 лѣтъ, Марья Степановна Томила. Родилась Томила въ расколѣ. Она давно уже познала заблужденія своихъ собратій и желала присоединиться къ православной церкви; но родители, закоренѣлые раскольники, возбраняли ей исполнить это задушевное желаніе. Но лишь умерли родители, какъ дочь спѣшитъ оставить расколъ и присоединиться къ православію.

Обрядъ присоединенія и таинство мурономазанія совершены были надъ нею предъ позднею литургіею. Народу собралось довольно много, хотя присоединеніе начато было ранѣе литургійнаго благовѣста. Съ какимъ умиленіемъ народъ созерцалъ обрядъ присоединенія. Какъ внималъ словамъ присоединившейся, когда, сначала стоя въ притворѣ храма, она произносила отреченіе отъ заблужденій раскола и выражала искренность обращенія къ православію. Во время литургіи новоприсоединившаяся была приобщена Св. Христовыхъ Таинъ. Дай Богъ, чтобы и многіе другіе изъ молодыхъ раскольниковъ, познавъ истину православной церкви и заблужденія раскола, хотя по смерти своихъ родителей, обращались къ первой, оставляя послѣдній: истинность православной церкви и заблужденія раскола очень ясны.

Д. Г. Бухаревъ.

Попечитель прихода Московской Борисо-Глѣбской, у Арбатскихъ воротъ, церкви, генераль маюръ А. А. Аверкіевъ.

(Посвящается памяти его въ день годовщины).

15-го апрѣля прошлаго года не стало попечителя прихода Московской Борисо-Глѣбской, у Арбатскихъ воротъ, церкви, Генераль-майора Алексѣя Александровича Аверкіева. Въ этотъ день христіански скончался онъ послѣ продолжительной болѣзни. Алексѣй Александровичъ жилъ въ приходѣ означенной церкви 15 лѣтъ, не бывъ домо-

владѣльцемъ. Ему весьма много обязанъ приходъ по дѣлу открытія и устройства попечительства. Алексѣю Александровичу первому пришла мысль объ устройствѣ попечительства въ приходѣ. Сообщивъ свою мысль настоятелю приходской церкви, также блаженной памяти протоіерею Вѣлокурову, онъ просилъ себѣ настоятельскаго благословенія на начинъ благаго дѣла, и скоро успѣлъ расположить всѣхъ прихожанъ къ открытію попечительства. Усердіемъ Алексѣя же Александровича попечительство быстро было открыто, 1869-го года 19 марта. Съ смертію перваго попечителя, тайнаго совѣтника Н. Г. Рюмина, послѣдовавшаго во второмъ году по открытіи, всѣ прихожане единодушно избрали попечителемъ усерднѣйшаго Алексѣя Александровича. Усердно дѣйствовалъ А. А. по дѣламъ попечительства, не состоя попечителемъ; необыкновенно усерднѣе началъ дѣйствовать, сдѣлавшись попечителемъ. И въ самомъ началѣ попечительства его открыто было училище, на 70 человѣкъ учениковъ, дѣтей бѣдныхъ родителей въ приходѣ. Затѣмъ въ послѣдствіи скоро—и пріюти на 12 дѣвочекъ—сиротъ*). Чтобы дать видѣть, какъ Алексѣй Александровичъ занимался дѣлами попечительства, довольно указать на то, что обыкновенно всякій день (кромѣ лѣтняго времени, когда живалъ въ своемъ имѣніи) онъ посѣщалъ школу. Именно Алексѣй Александровичъ все время, веѣ слова и всю энергію отдавалъ попечительству. По открытіи школъ и пріюта, постоянною задушевною работою А. Александровича было—найти средства, чтобы распространить, квартиры для причта, сдѣлавъ напр. пристройку къ церковному дому, и устроить постоянную собственную квартиру для школы, хотя бы въ этомъ же церковн. домѣ. Но не суждено было осуществиться на дѣлѣ заботамъ А. Александровича: давно таившаяся въ немъ болѣзнь, усилившись, свела его въ могилу. Члены попечительства и въ большемъ числѣ прихожане съ любимыми имъ и горячо любимыми его учениками школы и пріюта присутствовали при его погребеніи. Дѣти училища по собственному усердію все время, пока тѣло стояло въ домѣ читали при гробѣ псалтирь. Тѣло Алексѣя А. погребено было въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, гдѣ также погребено тѣло и перваго досточтимаго попечителя Г. Рюмина:

Миръ праху вашему, незабвенные труженники въ средѣ своего прихода! Да развивается и крѣпнетъ все болѣе и болѣе вами начатое и устроенное благое учрежденіе прихода и послѣ васъ, какъ оно постепенно развивалось и крѣпло, при васъ. Вѣчная вамъ память!

Д. Г. Бухаревъ.

*) О пріютѣ этомъ намѣрена мы сказать особо.

При семъ прилагается листъ съ четвертью постановленій и распоряженій правительства № 10-й

Редакторъ священникъ В. тип. А. В. Кудрявцевой, комис. Общ. люб. духовн. просв. Цензоръ

В. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ у Каменнаго моста, д. Сорокина. АРХИМАНДРИТЪ АМФИЛОХІЙ